

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.147

## **ИНВЕРСИВНАЯ СЕМИОТИКА ОБРАЗА Г.Е. РАСПУТИНА**

**В.Ю. Лебедев<sup>1</sup>, А.М. Прилуцкий<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

<sup>2</sup>ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

В статье анализируется при помощи методов инверсивно-семиотического анализа специфика религиозного почитания Григория Распутина. Авторы доказывают, что популярность культа Распутина в фундаменталистских православных субкультурах обусловлена инверсивным скандалом. В основе этого скандала изначально было несоответствие низкого социального статуса Распутина в контексте российского сословного общества и его приближенности к семье императора, которая интерпретируется как участие в управлении государством. В современных условиях данный конфликт осложнился особым статусом Николая Второго в агиологии маргинального православия. Данный конфликт разрешается через семиотическую дискредитацию противников культа Распутина и через его канонизацию в маргинальных микроскопических православных юрисдикциях.

**Ключевые слова:** *семиотика религии, монархический миф, неканонический культ, инверсионный конфликт, религиозный фундаментализм.*

Григорий Ефимович Распутин (1869–1916) относится к числу исторических личностей, чье влияние на семиосферу оказалось более значительным и выраженным, нежели влияние на ход социальных и политических процессов. При этом семиотические проекции личности Распутина не только заслонили Распутина «исторического», но и трансформировали его до неузнаваемости. Поэтому вопрос о том, каким был Г.Е. Распутин и кем он был при жизни, сегодня не менее дискуссионен, нежели сто лет назад. Существующие в семиосфере два основных варианта семиотических интерпретаций личности Распутина – «святой старец Григорий Новый» и «развратный проходимец Гришка» – довлеют не только над общественным мнением, но и над достаточно скромными и малопродуктивными попытками установить историческую правду.

Последние, помимо источниковедческих сложностей, сталкиваются с проблемой «альтернативных исследований» – сторонники и идеализированного, и демонизированного образа Распутина активно апеллируют «к науке», маскируя мифологические конструкты наукообразной терминологией, ссылками на архивные источники, источниковедческую псевдокритику и т. д. В результате этого неудобные источники дискредитируются как сфальсифицированные, активно используются референции к конспирологическим

мифотеологемам, двойничеству и т. д. [11]. Другой полюс распутинского мифа образуют попытки интерпретации «феномена Распутина» в рамках эзотерического дискурса, апеллирующие к экстрасенсорике, «тонким энергиям» и т. п. Данные попытки псевдо-рациональной герменевтики образа Распутина не в последнюю очередь восходят к популярному в начале XX в. объяснению «феномена Распутина» при помощи надления его особыми, но в целом совместимыми с рациональной картиной мира особенностями. Так, например, В.М. Бехтерев приписывал Распутину «половой гипнотизм» [3, с. 380–383]. Анализируя подобные герменевтические гипотезы начала XX в., мы должны учитывать специфику тогдашней парадигмы научного знания, достаточно толерантной к концепциям, которые сегодня однозначно маркируются как лженаучные. Анализируя подобные герменевтические гипотезы начала XX в., мы должны учитывать специфику тогдашней парадигмы научного знания, достаточно толерантной к концепциям, которые сегодня выглядят как растерявшие научную валидность. У Бехтерева как одного из зачинателей исследования процессов влияния в XX в., создававшего одну из трех рефлексологических парадигм – наряду со школами И. Павлова и Н. Введенского (влияние его рефлексологии очевидно у П. Сорокина, сформированного духом Психоневрологического института, а также у Ю. Кнорозова), имелся и свой научный вокабуляр, который, разумеется, не может быть во всем актуальным для наших дней, не говоря о соответствии МКБ последних пересмотров. Термин «гипнотизм» был нередок на момент рубежа веков, наряду с «истерией», *largo manu*, констатировавшейся «неврастенией», «моральной идиотией», имевших заметно иные понятийные контуры. Коллеги Бехтерева могли спокойно выставлять диагноз «вырождение», вытесненный только «психопатией» П.Б. Ганнушкина. Кроме того, гипноз Бехтерев понимал весьма широко, фактически это был синоним влияния, способности воздействовать.

Поскольку в современном общественном дискурсе эзотерика претендует на статус «науки» [7], современные попытки интерпретировать «феномен Распутина» при помощи популярных эзотерических концептов можно классифицировать в качестве паранаучной мифологии.

Очевидно, что попытки восстановления «исторического» Распутина путем демифологизации его семиотики в лучшем случае способны сформировать новый пласт распутинской мифологии, поскольку, как наглядно показала история теологии XX в., демифологизация вовсе не восстанавливает историческую правду, но формирует новые мифологические концепты, подобно тому, как «уничтожение текстов – не более чем знаковый прием, порождающий множество новых текстов» [6, с. 50]. Попытка разделения некоего множества текстов на достоверные и недостоверные ведет в нашем случае к увеличению первичного множества. Именно такие смысловые эффекты и породили разные варианты альтернативных исторических и историко-философских концепций, характерных для XX в., что ставит вопрос об их гармонизации [4]. Наиболее нейтральным и при этом

правдивым из распространенных источников считаются мемуары протопресвитера армии и флота Г.И. Шавельского, принадлежавшего близкой двору антираспутинской группе [10]. В мемуарах достаточно четко описана беседа прот. Шавельского с императором о негативном влиянии Распутина, предсказуемо окончившаяся лишь ухудшением отношения императрицы к протопресвитеру.

Семиосфера распутинского мифа изначально может быть определена как семиосфера информационно-коммуникативного скандала, спровоцированного формирующейся инверсией социо-символических отношений. Коммуникативная среда, окружающая «исторического» Распутина, как это нетрудно установить по оригинальным газетным публикациям и воспоминаниям современников, инверсивна, и благодаря этому скандальна. Инверсивная семиотика формируется в иерархических структурах в тех случаях, когда низший элемент иерархии обретает главенствующие свойства, формально оставаясь на прежней, подчиненной позиции.

Отношения инверсии в данном случае формировались по причине того, что вхождение Распутина в ближайшее окружение императора Николая II не сопровождалось изменением его положения в формализованной иерархии тогдашнего сословного общества: несмотря на фактическое вхождение в ближайшее окружение царя, Распутин юридически оставался крестьянином Тобольской губернии, назначение его придворным лампадником (если оно действительно имело место) [8, с. 8] не могло существенно повлиять на ситуацию в силу того, что должность эта была малозначительной. Отметим, что аналогичный инверсивный конфликт по типу перманентного информационного скандала сопровождал многих фаворитов XVIII в., при том что быстрое усвоением ими придворного стиля поведения, соответствующих эстетических паттернов, равно как и нобилитация, присвоение ими дворянских титулов и генеральских чинов способствовало снижению остроты конфликта, но не могло его полностью разрешить, что мы видим на примере пушкинской иронии:

Не торговал мой дед блинами,  
Не ваксил царских сапогов,  
Не пел с придворными дьячками,  
В князя не прыгал из хохлов,  
И не был беглым он солдатом  
Австрийских пудренных дружин;  
Так мне ли быть аристократом?  
Я, слава Богу, мещанин.

Разумеется, в условиях начала XX в. подобный способ разрешения конфликта был в ситуации с Распутиным совершенно невозможным: он привел бы к еще большему обострению конфликта и всеобщему возмущению родовой титулованной знати. Интересно, что фиксируемые в мемуарах современников робкие попытки адептов Распутина добиться его рукоположения в иерейский сан, могли бы рассматриваться как контекстуали-

зированный аналог его нобилитации (попытки эти якобы оказались неосуществленными из-за вопиющей неграмотности Распутина и его неспособности выучить литургические чинопоследования). Однако вероятнее, что рукоположение Распутина не состоялось именно потому, что элитами он был востребован именно как «мужик», а не как «священник». После рукоположения то, что составляло «славу Распутина-мужика» легко трансформировалось бы в недостатки и породило бы обратный инверсивный скандал: придворный священник с подчеркнута вульгарно-хамоватыми манерами выглядел бы не менее вызывающе. Если невежественный безграмотный мужик, вещающий «глаголы Божии» мог представляться в ареоле мистической таинственности в качестве притягательной диковинки, то безграмотный священник, несущий ахиною, в обществе людей, усвоивших, как минимум, содержание катехизиса, неизбежно превратился бы в повод для антицерковного возмущения (достаточно упомянуть интенсивное недовольство так называемыми «распутинскими архиереями»).

К тому времени, когда Распутин получает скандальную известность, его принадлежность к крестьянству трансформируется в семиотическую фикцию, поскольку сколько-нибудь устойчивой связи с крестьянским образом жизни он уже не имел, однако при этом Распутин не торопится усваивать столичные культурные паттерны: его речь, манера поведения, одежда становятся семиотическими маркерами принадлежности «к народу», необходимыми для формирования имиджа простолоудина – «человека Божия», говорящего правду в лживой и развращенной столице. В этих условиях манеры и внешность Распутина семиотически превращались в «товар», за который многие были готовы платить.

Данная семиотика была особенно востребована частью тогдашней аристократии, идеализирующей русскую аграрную архаику, народную религиозность, нравственные добродетели и монархические чувства крестьян и т. п. Подобными приемами пользовались и «крестьянские поэты». Однако идеализация крестьянского образа осуществлялась в рамках сословного социума, она не предполагала возможность какого-либо влияния «крестьянина» на принятие политических решений. Образ Распутина – приближенного Николая II в тогдашнем массовом сознании развивает ряд признаков принадлежности к высшей социальной иерархии:

- функциональный, т. е. влияющий на принятие решений;
- информативный, т. е. обладающий информацией особого значения и ценности;
- ресурсный, т. е. способный лоббировать различные проекты и инициативы;
- кадровый, т. е. обеспечивающий подбор кадров для занятия высших должностей, и т.д.

При этом социальный статус Распутина остается подчеркнута низким, что семиотизируется его крестьянской одеждой «в русском стиле», прической, манерой общения, безграмотными записками и т. д. Разитель-

ное несоответствие иерархического статуса и приписываемой Распутину социо-политической роли с неизбежностью породило инверсивную ситуацию, которая в тогдашних условиях не могла не привести к информационно-коммуникативному скандалу.

Интент-анализ источников позволяет сделать вывод о том, что данная инверсия затронула и уровни категориальной семиотики, приведшие к сложным трансформациям.

Мифологический образ Распутина, сформированный его сторонниками, прежде всего царской четой, в результате инверсивного конфликта переживает вполне определенные трансформации.

Этапы трансформации не представляют принципиального интереса, при необходимости их можно легко проследить на основе дневников императора и переписки Николая Второго и Александры Федоровны. Показательно, что по мере развития инверсивных отношений меняется отношение к Распутину со стороны семьи императора: изначальная характеристика, содержащаяся в дневниках Николая Второго, «человек Божий» теперь представляется недостаточной: по мере усвоения Распутиным (или его семиотической проекцией) качеств высших иерархических уровней, возрастает его сакральный модус, приближающийся в итоге к агиологическому.

Субкатегориальный уровень при этом сохраняет стабильность, что характерно для категориальной семиотики мифологических дискурсов.

Мифологический образ Распутина, сформированный его противниками в меньшей степени подвержен трансформациям: субкатегориальный уровень (крестьянин Тобольской губернии) и категориальный (царский приближенный, фаворит) – сохраняются на протяжении всего существования оригинального семиозиса. Трансформируется значение гиперкатегориального уровня: если на начальном этапе формирования антираспутинского мифа он может быть определен как «проходимец-развратник, сектант», то в результате развития инверсивного скандала происходит его демонизация. В итоге гиперкатегориальный уровень развивает политические и демонологические коннотации, Распутин начинает символизировать «темные силы», «демоническое существо».

Современное почитание Г.Е. Распутина в православных субкультурах радикально-монархического (царебожнического) паттерна привело к формированию новых дискурсов инверсивного скандала. На этот раз инверсия порождается новыми значениями, которые развивает образ Г.Е. Распутина в мифосфере царебожнического мифа. Этому способствует семиотическая гиперкоррекция: когда стало возможным не только публиковать материалы о семье последнего императора, но и видеть ее канонизированной, стало положительно оцениваться все, с нею связанное. Оценка «нашего друга» тоже поменялась – за исключением тех, кто устойчиво воспринимал Распутина как непосредственного виновника дискредитации монарха и последовавших событий.

Приближенность Распутина к семье Николая II, степень которой в царебожнической мифологии явно преувеличивается, становится основанием для частичного переноса на него особого агиологического статуса последнего императора, почитаемого в качестве «царя-искупителя». Отметим, что особый статус Николая II породил особую ритуалосферу, образуемую «чином всенародного покаяния» русского народа, который хотя в последнее время и отчасти утратил популярность, но тем не менее периодически совершается царебожниками (см. напр.: [2]). Интересно, что образ Распутина, хотя акционально не включен в этот чин, но породил его некие аналоги, более скромные в плане ритуальной структуры, но семантически весьма близкие. Речь идет о так называемой «покаянной молитве», в которой говорится «Такожде и мы, братия и сестры твои во Христе, в тяжком грехе злохуления имени твоего повинны есмы. Понеже не познаша отцы и сродники наши святость твою и оклеветание и убиение твое попустиша. Презрели бо, яко священная кровь пророка Божия падет на главу народа, попустившего убиение пророка, и хулящего имя святое его. Сего ради прогнеvasя на нас Господь яростью великой и по грехам нашим воздал есть нам. Да уразумеет всяк, хулящий тя, яко хула на святость твою, суть хула на Бога и на Святого Духа» [1].

Совершается попытка символического отождествления прижизненных противников Распутина с современными противниками его церковного прославления. Если при жизни Распутина «гнали» масоны, то и сегодня противники его прославления в высшей иерархии церкви должны, по крайней мере, зависеть от них, выполнять их волю. С другой стороны, популярность культа Распутина среди неканонического православия (карликовые юрисдикции «осколков» РПЦЗ и различных ИПЦ) имеет выраженное пропагандистское значение: демонстративное почитание «Григория Нового чудотворца» способно привлечь адептов, почитающих Распутина и недовольных отказом канонизировать последнего в иных юрисдикциях.

Святой, обладающий столь высоким статусом, заслуживает особого почитания, тогда как официально православная церковь в лице иерархов не только отвергла канонизацию Распутина, но и объявила о ее принципиальной невозможности [5].

Это порождает инверсивный конфликт, который разрешается в информационном скандале. Почитатели Распутина пытаются при помощи различных инсинуаций дискредитировать противников его культа, например: «Материалов для оправдательного вердикта более чем достаточно, но оправдание Распутина одновременно становится осуждением всех тех, кто в свое время прилагал все усилия, чтобы разрушить его. Это будет означать, что самые влиятельные люди русского государства и церкви волею или неволею работали над разрушением страны – над саморазрушением. Кто же такое захочет признать? Никто, если не примет только от Бога дары смирения и покаяния» [9]. В приведенной выше «покаянной молитве» по-

каание за грех хулы и убийства Распутина явно в качестве прототипа имеет чин «всенародного покаяния».

Неслучайно современная распутинская ритуалосфера носит перверсивный характер. Так, например, современный неканонический акафист Распутину представляет собой оценочную перверсию дореволюционного сатирического текста:

Акафист мученику Григорию  
Распутину-Новому, пророку и чудотворцу Российскому  
Радуйся, Царя благодатное укрепление;  
Радуйся, Царицы духоносное окормление.  
Радуйся, Царевича в недугах всемогущий целителю;  
Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие.

Акафист новоявленному Григорию Новых, конокраду Распутину:  
Радуйся рассудка царева помрачение,  
Радуйся царицы услаждение,  
Радуйся царевича развращение,  
Радуйся, Григорие, распутниче великий.

Существует известная неканоническая икона «Царская Голгофа», на которой изображены святые царственные страстотерпцы и Григорий Распутин с нимбом святого. Причем характерно, что канонизированной Церковью сестре императрицы Елизавете Федоровне, чье изображение было более уместно, в этой чести было отказано.

Распространение неканонических икон является не только свидетельством наличия религиозного почитания, но и формой протестной манифестации, семиотической репрезентацией протеста, адресованной иерархии. Еще одной попыткой разрешения данной инверсии является референция к канонизации Распутина в различных карликовых неканонических юрисдикциях. Поскольку, несмотря на неканонический статус, последние считаются православными, становится возможным апеллировать к их опыту как к прецеденту.

### **Список литературы**

1. Акафист Григорию Распутину [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruskmir.ru/grigorij-rasputin-akafist/> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Апология всенародного покаяния русского народа. Б/м, б/г. 87 с.
3. Бехтерев В.М. Распутинство и общество великосветских дам // Григорий Распутин: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, краткие биограф. справки упоминаемых в антологии лиц С.Л. Фирсова. СПб.: РХГА, 2020. 1088 с.
4. Губман Б.Л. Аналитическая и спекулятивная философия истории: от конфронтации к идее сосуществования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 26–31.

5. К вопросу о канонизации царя Ивана Грозного и Г.Е. Распутина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/420877> (дата обращения: 11.01.2023).
6. Лавров А.С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 574 с.
7. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Современный оккультизм в городских и сельских субдискурсах // «Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции»: коллективная монография. СПб.: «Любавич», 2017. С. 86–103.
8. Мельгунов С.П. Последний самодержец. Черты для характеристики Николая II. М.: Типография Т-ва «Задруга», 1917. 16 с.
9. Почему церковь не канонизирует Григория Распутина? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruskmir.ru/2015/07/pochemu-cerkov-ne-kanoniziruet-grigoriya-rasputina/> (дата обращения: 10.01.2023).
10. Шавельский Г.И., прот. В школе и на службе. Воспоминания. М.; Брюссель: Екатерининский мужской монастырь, 2016. 824 с.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 11.01.2023).

## INVERSIVE SEMIOTICS OF THE IMAGE OF GRIGORY RASPUTIN

V.Y. Lebedev<sup>1</sup>, A.M. Prilutskij<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Tver State University, Tver

<sup>2</sup>Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The article analyzes the specifics of the religious veneration of Gregory Rasputin using the methods of inversion and semiotic analysis. The authors argue that the popularity of the Rasputin cult in fundamentalist Orthodox subcultures is due to an inversion scandal. At the heart of this scandal was the discrepancy between Rasputin's low social status in the context of the Russian class society and his closeness to the emperor's family, which is interpreted as participation in government. In modern conditions, this conflict was complicated by the special status of Nicholas II in the hagiology of marginal Orthodoxy. This conflict is resolved through the semiotic discrediting of the opponents of the Rasputin cult and through his canonization in marginal microscopic Orthodox jurisdictions.

**Keywords:** *semiotics of religion, monarchical myth, non-canonical cult, inversion conflict, religious fundamentalism.*

*Об авторах:*

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.



ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

*Authors information:*

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD (Philosophy), Professor, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.12.2022.

Дата принятия рукописи в печать: 22.01.2023.